

■ Социология науки

Н. Н. Зарубина

УВАЖЕНИЕ К НАУЧНОМУ СООБЩЕСТВУ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДОВЕРИЯ К ИНСТИТУТУ НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 16-18-10411

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.1.4994

Зарубина Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

E-mail: n-zarubina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается динамика уважения к научному сообществу и доверия к институту науки в России. Уважение и доверие анализируются как темпоральные характеристики социальных отношений: уважение основывается на проецировании прошлых заслуг и достоинств на настоящее, а доверие представляет залог в отношении будущего. Показано, что, несмотря на относительно высокий уровень доверия к Российской академии наук, доверие к учёным постепенно снижается. Причины этого автор видит в недостаточно уважительном отношении к научному сообществу в современной России. Прослеживается история возникновения института науки и научного сообщества в России в процессе петровских реформ. Их специфика состояла в заимствовании принципов организации, замкнутости научного сообщества и его ориентации на служебные функции по отношению к государству. В советский период необходимость передовых научных разработок для обеспечения обороноспособности, а также для обозначения преимуществ советского строя в создании условий для прогресса превратила науку в один из самых значимых институтов, а учёных – в уважаемую социальную группу. Научная работа стала одним из самых надёжных лифтов социальной мобильности. В период «застоя» снизилась интенсивность внедрения научных разработок в экономику, однако высокий престиж статуса учёного приводил к росту имитационной научной деятельности. В период реформ 1990-х гг. произошло обвальное падение уважения к научному сообществу вследствие невостребованности научных разработок государством и бизнесом, резкого падения жизненного уровня учёных, потери привлекательности научной карьеры на фоне роста в обществе ценностей богатства и материального успеха. Снижение уважения к научному сообществу приведёт к дальнейшему падению доверия к науке и учёным.

Ключевые слова: доверие, уважение, учреждения науки, научное сообщество, социальные функции, государственный контроль, академическая автономия, социальные преобразования.

Наука как институт современного общества, цель которого состоит в производстве знаний, является важнейшим субъектом модернизации общества, инновационного развития, экономического и культурного роста, социальной

стабильности. Однако в современной России статус науки как института и учёных — исследователей, преподавателей, экспертов как основных его представителей является противоречивым. Доверие со стороны общества к российской науке как институту, олицетворяемому Российской академией наук, по данным всероссийского мониторинга, осуществлённого компанией Ромир, фиксируется на высоком и стабильном уровне: в 2015 г. РАН доверяли 66% россиян, в 2013 г. — 64% (для сравнения, на первом месте в рейтинге институционального доверия находится институт президентства (79%), затем Русская православная церковь (74%), правительство (69%)) [Рейтинг доверия..., 2015]. По данным всероссийского опроса ВЦИОМ, исследовавшего доверие россиян к представителям различных профессий, в 2012 г. учёные пользовались наибольшим доверием — 66% — наряду с учителями (63%), военнослужащими (57%) [Наибольшим доверием..., 2012].

В настоящее время, по данным ВЦИОМ, российской наукой «скорее гордятся» 82% россиян (инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 18–19 июня 2016 г. в 130 населённых пунктах в 46 областях, краях и республиках и 9 федеральных округах России. Объём выборки 1600 человек. Выборка репрезентирует население РФ в возрасте 18 лет и старше по полу, возрасту, образованию, типу населённого пункта). Однако на вопрос «Есть ли среди ныне живущих россиян те, кем наша страна могла бы гордиться?» лишь по одному проценту респондентов назвали нобелевского лауреата и общественного деятеля Жореса Алфёрова и «академиков/учёных» [Родина — это звучит..., 2016]. Таким образом, несмотря на «гордость за достижения науки», конкретные учёные остаются мало известны массовой аудитории, их имена не ассоциируются с достоинством страны и не являются значимыми символами престижа.

Социальное самочувствие учёных передаётся в «Открытом письме российских учёных Президенту Российской Федерации В. В. Путину» от 25 июля 2016 г., где, в частности, делается акцент на потере уважения и престижа науки, последовавшей за её реформированием: «Сейчас стало совершенно очевидным, что последние три года реформы фундаментальной науки в России не принесли никаких положительных результатов. К явно отрицательным её следствиям относятся: падение авторитета науки в обществе, а российской науки — в мире, полное разрушение системы управления наукой, демотивация и деморализация активно работающих учёных, новая волна научной эмиграции, особенно среди молодёжи, резкая активизация бюрократов и проходимцев от науки, подмена научных критериев оценки бессмысленной формалистикой, уменьшение доли качественных отечествен-

ных публикаций в мировой науке. В результате мы стоим на грани окончательной ликвидации конкурентоспособной научной отрасли — одной из традиционных опор российской государственности» [Открытое письмо., 2016].

В связи с этим исследование доверия к науке и учёным в современной России нуждается в уточнении и дополнении.

Доверие, по определению П. Штомпки, предполагает некую «ставку», «за-лог» в отношении действий других, предположение, что их результаты не нанесут вреда и/или будут полезны, то есть возникает вследствие ориентации действий людей *в будущее*, которое всегда неопределённо [Штомпка, 2012: 80]. Предпосылками доверия к институту науки являются устойчивость его нормативного порядка и открытость, а показателями доверия могут служить востребованность обществом, независимость и автономия в противоположность внешнему контролю, признание института в качестве надёжного канала социальной мобильности.

Наряду с *доверием* важнейшей характеристикой отношений и способов поведения людей по отношению друг к другу и к социальным институтам является *уважение* [Зарубина, 2014: 87–89]. Уважение, под которым Н. Луман понимает «генерализированное признание и почтение, которым вознаграждается то, что другой соответствует ожиданиям» [Луман, 2007: 312], основывается на оценке результатов *прошлых* действий, проецируемых на сегодняшний день. Уважение к учёным и к научному сообществу основывается на признании соответствия принципов и результатов их деятельности значимым ценностям и целям общества и проявляется в осведомлённости о достижениях российских учёных, гордости за отечественную науку, в символических отличиях и вознаграждении заслуг в форме почётных званий, премий и других публичных поощрений, а также в высокой оплате труда и других общепризнанных маркерах успеха.

Взятые в комплексе отношение уважения и доверия позволяют проследить *темпоральные аспекты социальных отношений*: влияние оценок прошлых достижений на реальные и ожидаемые в будущем действия институциональных и индивидуальных социальных агентов, когда *заслуженное в прошлом уважение становится основой для доверия в будущем*. Однако так происходит лишь в условиях стабильности социальной системы, устойчивости нормативного порядка, открытости групп и институтов и наличии чётких и однозначных критериев для оценки их деятельности. Ценностно-нормативный хаос, трансформация социального порядка, распад социальных общностей и групп и образование новых — всё это девальвирует уважение, заслуженное в прошлом, и создаёт неблагоприятную среду для доверия, имеющего, по выражению С. А. Кравченко, «сложную природу» [Кравченко, 2016: 280].

Предметом нашего рассмотрения станет динамика уважения к учёным как предпосылка доверия к науке как социальному институту российского общества.

Ценностно-нормативные основы деятельности учёных и института науки в условиях первых российских модернизаций: динамика уважения и доверия

Современная академическая наука как социальный институт, ориентированный на производство знаний, сложилась, как известно, в Западной Европе в эпоху становления общества модерна; научное сообщество долгое время представляло собой закрытые корпорации, специфический этос которых был основан на самостоятельной ценности знаний и истины. Этос зрелого научного сообщества как «моральной общины» описал Р. Мертон, выделивший нормы *универсальности, общности, бескорыстия* и «*организованного скептицизма*» [Merton, 1972: 67].

В России академическая и университетская наука как институт, производящий знания, появилась в результате преобразований Петра I. Первые академики, как известно, были приглашёнными европейскими, в основном немецкими, учёными, однако сами принципы организации научного сообщества и научной работы в нашей стране стали иными, чем в Европе. С самого начала наука была ориентирована на удовлетворение потребностей государства, и научная работа превратилась в разновидность государственного служения. Как отмечал русский ученый Н. И. Кареев, «у нас насаждала науку власть, смотревшая на учёных не иначе как на чиновников известного ведомства: это были члены своего рода *служилого сословия*, не замкнувшегося у нас в особую корпорацию, и сами они сначала не отличали себя от обыкновенных чиновников» [Кареев, 1992: 177].

Автономия научного сообщества в России также отличалась от западной. Она была обусловлена не столько спецификой их «моральной общины», сколько заимствованным характером самого института науки и иностранным происхождением первых учёных созданной Петром I Академии наук. Привнесённая институционализация академической науки обусловила и изначально присущие ей ориентацию на западные, заимствованные методы, теории, идеи, её открытость к влияниям извне и акцентированные ожидания признания со стороны европейских коллег [Кареев, 1992: 176]. В результате к учёным — сотрудникам Академии наук и преподавателям Московского университета и других учебных заведений — относились с недоверием, как к чужакам и носителям чужих, иногда опасных для общества ценностей (по некоторым свидетельствам, именно иностранные профессора Московского университета были в числе немногочисленных приветствующих Наполеона в Москве в 1812 г. [Васькин, 2016]).

Практическая же полезность научных знаний как для государства, так и для повседневной жизни очень долго оставалась неочевидной в традиционной России, поэтому и оснований для особого уважения к ним не было.

В середине XIX в. социальный состав российского научного сообщества стал меняться за счёт притока разночинцев, получивших доступ к университетскому образованию. «Несловная интеллигенция», по выражению Н. И. Кареева, стала определять его моральный климат и ценностные приоритеты, принимая в качестве важнейших служение не государству, а обществу и народу. В этот период осмысление особенностей развития России стало основной темой гуманитарного знания, и в среде учёных начало проявляться критическое отношение к социальному устройству, политике правительства, господствующей идеологии. Научное сообщество, таким образом, из «служилого» постепенно превращалось в оппозиционное. В период «Великих реформ» и последующей социально-политической нестабильности университетское сообщество нередко демонстрировало яростную приверженность оппозиционным идеям либерального толка, студенты жёстко и агрессивно выступали даже против собственных профессоров, если считали их консерваторами и сторонниками власти.

В то же время внутренняя жизнь научного сообщества не имела собственных устойчивых нормативных оснований. Университетская автономия в России вводилась и ликвидировалась несколько раз на протяжении XIX – начала XX вв., пока не была окончательно упразднена советской властью. Однако за научным сообществом сохранялось право присваивать учёные степени, оценивать результаты научной работы, определять её направления, а также содержание учебных курсов и учебной литературы (в рамках цензурных ограничений).

Именно эти особенности института науки и научного сообщества, сложившиеся в дореволюционной России, и определили противоречивость его судьбы и отношения к нему власти и общества после Октябрьской революции 1917 года.

С одной стороны, институт науки складывался в России как связанный с традиционным государством и потому враждебный новой власти. К тому же часть научного сообщества – как рядовой профессуры, так и всемирно известных учёных, подобно первому русскому нобелевскому лауреату академику И. П. Павлову, заняла весьма резкие антисоветские позиции. В 1922 г. противостояние критически настроенной научной общественности и советской власти обострилось и вылилось в преследования учёных, закончившиеся, как известно, гибелью, высылкой и эмиграцией многих выдающихся представителей отечественной науки, а также представителей технической и конструкторской мысли. Ценности объективного, «беспартийного» и не всегда практически применимого научного знания были не только неприемлемы для нового режима, но и непонятны массам, для которых учёные превратились в «осколки» эксплуататорского класса буржуазного общества.

В массовой культуре тех лет учёные представлены в нескольких смысловых аспектах: во-первых, представители «чуждого» класса, в трудной внутренней борьбе признающие преимущества советской власти и встающие на её сторону;

во-вторых, враги – саботажники, диверсанты, шпионы, вредящие социалистическому строительству с помощью своих знаний и связей с иностранными разведками; в-третьих, смешные чудачки, живущие в собственном мире, не приспособленные к повседневной жизни в советском обществе и подверженные всевозможным опасностям, включая попадание под влияние врагов советской власти, в том числе и иностранных, и поэтому нуждающихся в опеке и надзоре со стороны партии, государства и трудового народа [Зудина, 2011: 170–171].

С другой стороны, без развития отечественной науки было невозможно решить задачи индустриализации, а также повышения обороноспособности в условиях противостояния враждебному окружению. Прикладная наука была необходима советской власти, а значит, надо было адаптировать и институт науки, и учёных. Созданная в 1925 г. вместо Императорской академии наук Академия наук СССР стала своего рода «интеллектуальным гетто», где узкий круг профессионалов в обмен на решение необходимых государству научно-технических задач получил возможность сохранить относительную автономию и привычный образ жизни [Фомин, 2011: 98]. Предельным негативным воплощением геттоизации науки стали «шарашки» 1940-х – начала 1950-х гг., где заключённые учёные подневольно трудились над решением критически важных для обороноспособности страны проблем. Таким образом, признанием и уважением со стороны власти пользовался не институт науки и не научное сообщество, а практическая польза для режима, которую они могли принести.

Недоверие к учёным со стороны власти выражалось в постоянном сложно организованном контроле над наукой. Это была и система финансирования научных исследований в зависимости от потребностей промышленности и обороны. И сформированная государством в 1930-х гг. система присуждения учёных степеней и званий, т. е. контроля государства над иерархией научного сообщества и условиями вхождения в него, которые отныне определялись не научными достижениями как таковыми, а их оценкой чиновниками. И разделение академической и вузовской науки, имевшее цель оградить студентов от влияния учёных, настроенных критически по отношению к советской власти [Фомин, 2011: 98]. Доступ к информации и её распространение, без которых невозможна наука, также подвергались централизованному контролю посредством цензуры, системы допуска к зарубежной литературе, спецхранов в библиотеках, государственной издательской политики.

При этом зависимость науки как института от государства усиливалась за счёт того, что оценка результатов научных исследований осуществлялась по внеученым критериям народно-хозяйственной

эффективности, соответствия планам, административной системе и т. д. Наука в СССР функционировала фактически как отрасль экономики, подчинённая централизованному планированию. Её сложная и многоступенчатая институциональная структура предполагала, как отметил американский исследователь истории российской науки Л. Грэхэм, ориентацию на административную единицу (институт), а не на научную проблему как таковую, что облегчало внешний контроль [Грэхэм, 1998: 181].

Для замены старых научных и преподавательских кадров новыми, «классово близкими», в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в вузы были направлены «партийсячники» – молодые люди «пролетарского происхождения», с опытом партийной работы, участники Гражданской войны. Сохранились свидетельства того, с каким неуважением, даже откровенным презрением к профессорам вели себя эти люди, какую атмосферу они привнесли в вузы: «это было не постижение знаний, а их вымогательство у поверженного противника» [Фомин, 2011: 98]. Они и составили основу будущего научного сообщества, которому власть вполне могла доверять. А заведомо формируемая у него ориентация на решение прикладных народно-хозяйственных задач вкупе с принятием марксистской идеологии практически сводила на нет ценностно-нормативную автономию учёных, вновь делая их служебной группой, ориентированной на запросы государства.

При этом положение общественных и гуманитарных наук имело свою специфику: поскольку их практическая полезность не всегда очевидна, им вменялась миссия разносторонней легитимации марксистской идеологии и советского строя. Историки, филологи, философы, социологи и др. должны были своими исследованиями доказывать преимущества марксизма как методологии познания общества, а также «естественно-историческую закономерность» и безусловную прогрессивность социалистического советского жизнеустройства. Кроме того, сама господствующая идеология претендовала на научность, поэтому её основные представители заняли лидирующие позиции в научном сообществе.

Ситуация начала меняться уже во время Великой Отечественной войны, а затем в условиях холодной войны и гонки вооружений, научно-технической революции 1950-х гг., соревнования в сфере освоения космоса. Стала очевидной необходимость не только прикладных, но и фундаментальных научных разработок, научные достижения постепенно превращались в один из важнейших факторов престижа советского государства и социалистического строя на фоне роста значимости знаний как условия экономического и общественного развития во всём мире. Мировое признание советской науки, в том числе и Нобелевские премии советских учёных во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.¹, приоритет в научной области должны были свидетельствовать о преимуществах системы, обеспечивающей подлинный прогресс знаний.

¹ В этот период советскими нобелевскими лауреатами стали: Н. Н. Семёнов (1956 г., химия), П. А. Черенков, И. М. Франк, И. Е. Тамм (1958 г., физика), Л. Д. Ландау (1962 г., физика), Н. Г. Басов, А. М. Прохоров (1964 г., физика).

Статус учёных стал повышаться, а поощрение государством высоких научных достижений привело к тому, что учёные превратились в одну из самых престижных и высокообеспеченных социальных групп. Период «оттепели» стал наиболее благоприятным для отечественной науки, которая была признана одним из наиболее значимых факторов развития страны, а учёные, в первую очередь, конечно, представители естественных наук, стали пользоваться повсеместным уважением, поскольку их роль в прогрессе общества была очевидной.

Научное сообщество на пике его общественного признания стало более открыто демонстрировать приверженность нормам корпоративного этикета, пыталось ослабить государственный контроль и идеологическое влияние в ходе реформирования Академии наук СССР в конце 1950-х гг. [Фомин, 2011: 101–102]. При этом советские учёные возвращались к ценностям русской интеллигенции, с присущим ей критическим отношением к господствующему социально-политическому порядку. В их среде стали появляться независимые мыслители и правозащитники (А. А. Зиновьев, А. Д. Сахаров и др.), представлявшие альтернативный взгляд на советское общество. Учёные и институт науки приобрели особый статус и особую миссию, вызывавших уважение в обществе, хотя корпоративная обособленность и наличие собственного этикета, предполагавшего критическое отношение к действительности, вызывали недоверие властей.

Однако в условиях начавшегося в середине 1970-х гг. общего застоя в развитии советского общества, нормативная основа научной деятельности и ценностные ориентации научного сообщества стали меняться. Из передовой, наиболее перспективной сферы деятельности и важнейшего фактора прогресса наука постепенно превращалась в *один из рутинных институтов*. Высокий статус учёного, подразумевающий надобывденные интеллектуальные достижения, стал трансформироваться в статус «научного работника», отличающийся от всех прочих статусов лишь невнятной реальными задачами, практической отдачей и сферы ответственности. Всеобщая бюрократизация привела к тому, что и в науке административная позиция стала всё больше преобладать над реальными достижениями, а формализация планирования и отчётности, с одной стороны, препятствовала развитию инновационных направлений работы, с другой – создавала возможности для имитации исследовательской деятельности. Востребованность научных разработок народным хозяйством и их практическое внедрение, за исключением оборонной и космической сфер, тормозились общим застоём в экономике, что делало ведомственную науку просто затратным придатком соответствующих отраслей промышленности.

В глазах далёкого от интеллектуальной жизни большинства советских людей научная работа представлялась возможностью избежать тяжёлого труда на производстве, а также реальной ответственности, прикрывая праздность непонятными словами.

При этом сравнительно высокие доходы и престиж учёных делали науку как профессию весьма привлекательной: по некоторым данным, в советскую эпоху зарплата кандидатов и докторов наук была существенно выше средней по стране [Балацкий, 2014: 154]. Конкурсы в аспирантуру (в середине 1980-х гг. в головных гуманитарных институтах АН СССР они составляли двадцать человек на место и более) и очереди на защиту диссертаций свидетельствовали о большой востребованности профессии. Советская наука превратилась в надёжный лифт социальной мобильности, но более не обеспечивала выделения из общей массы советских служащих за счёт какой-то особой социокультурной миссии и культурного капитала. Численность исследователей росла, но происходило обесценивание научной деятельности из-за притока в неё людей, не озабоченных даже «удовлетворением любопытства за счёт государства». Именно в этот период учёная степень стала утрачивать символический смысл высоких исследовательских достижений и постепенно превращаться в престижное дополнение к административным и партийным чинам и регалиям.

Всё это способствовало развитию внутренних конфликтов в научной среде, связанных с недобросовестностью исследователей, нездоровой конкуренцией, присвоением чужих результатов, «заказными диссертациями» и т. д. В массовой культуре 1970-х — начала 80-х гг. учёные предстают в тех же мелочных склоках и дрызгах, что и все остальные жертвы бюрократизации режима [Зудина, 2011: 173–175]. Мировое признание советской науки, за исключением присуждения Нобелевской премии по физике П. Л. Капице в 1978 г., также стало снижаться, внимание общественности больше привлекали скандалы, связанные с преследованием А. Д. Сахарова, с запретами на выезд за рубеж на основании причастности к «государственной тайне» и т. п. Представляется, что постепенное снижение уважения и доверия к научному сообществу, к учёным и институту науки началось именно в этот период.

Таким образом, к реформам 1990-х гг. советская наука подошла как социальный институт, внутренние принципы организации которого соответствовали состоянию общества: внешний государственный и партийный контроль, ориентация на инструментальные функции, подверженность бюрократизации и стагнации. Корпоративный научный этос, суть которого составляли ориентация на истину и добросовестность исследователей, критическое отношение к действительности, подвергся эрозии в условиях застоя. В то же время сформировавшееся уважение к институту науки как фактору прогресса способствовало закреплению сциентистских убеждений в том, что именно наука может дать наиболее обоснованные и надёжные подходы к решению проблем развития страны. Таким образом, создалась достаточно прочная основа доверия к науке.

Снижение уважения к учёным как фактор возможного подрыва доверия к науке в современной России

В условиях трансформаций 1990-х гг. отношение общества к науке существенно изменилось, что сильно повлияло на её развитие. Начались процессы, подрывающие уважение к науке и научным работникам; прежде всего, была поставлена под сомнение способность отечественной науки приносить реальную пользу обществу, то есть складывавшееся и укреплявшееся на протяжении трёх столетий ценностное и нравственное основание института науки в России. Так, исследование, проведённое в начале 2000-х гг. среди студентов технических вузов Санкт-Петербурга и Петрозаводского университета, показало, что 56% опрошенных считают, что учёные больше заняты абстрактными проблемами, чем практическими интересами людей, а более 42% уверены, что они просто «удовлетворяют своё любопытство за государственный счёт» [Ваганов, 2007].

В начале 1990-х гг. Министр науки и технической политики Б. Г. Салтыков (1993–1996) выступил с заявлением о том, что «в России науки слишком много!» [Садовский, 2016]. В 1990-е гг. в период увлечения идеями рыночной экономики финансирование науки из государственного бюджета представлялось россиянам избыточным и ненужным обременением: по некоторым данным, в 1994 г. в его поддержку высказались только 8% респондентов [Ваганов, 2007].

Конверсия оборонной и космической отраслей, начатая в 1992 г. (ФЗ № 2551-1 от 20.03.1992), встретила поддержку со стороны населения, во-первых, благодаря появлению на рынке высокотехнологичной продукции для массового потребления, произведённой в рамках конверсии оборонных предприятий, а во-вторых, из-за популярности идеи отказа от дорогостоящих, «обременяющих» государственный бюджет программ финансирования оборонной и космической отраслей: в 2001 г. 20% респондентов рассматривали этот отказ в качестве «самого большого приобретения 90-х гг.» [Двадцать лет..., 2011: 24].

Представление об этой «ненужности» науки обществу только укрепилось не востребоваанностью научных разработок бизнесом. Нарождающийся в 1990-х гг. российский бизнес был ориентирован на перераспределение, передел государственной собственности, поэтому проявлял интерес главным образом к собственности РАН и отраслевых научных институтов — земле, зданиям, социальной инфраструктуре и т. д., а вовсе не к интеллектуальным ресурсам. Инновационные разработки, требовавшие финансирования, даже если в будущем они

могли принести немалые рыночные преимущества, мало привлекали новых предпринимателей в условиях институциональной нестабильности переходного периода. Гораздо более интересной оказывалась, например, административная рента [Даниленко, 2013]. Кроме того, законодательная база современной России недостаточно адекватна для участия бизнеса в финансировании научных работ, а также прямой кооперации бизнеса и науки в рамках технопарков, технико-внедренческих зон, венчурных фондов [Дежина, 2009].

Поэтому среди россиян сформировалось и закрепилось представление о том, что можно быть успешным предпринимателем, не осуществляя инноваций, то есть, по существу, не занимаясь предпринимательством в собственном смысле слова: лишь 21% россиян согласны с тем, что компания, не производящая инноваций, не сможет уцелеть на конкурентном рынке, в то время как в Западной Европе это мнение разделяют в среднем 40% респондентов (до 65% в Финляндии) [Шувалова, 2010: 40–41]. И в России 2010-х гг., после провозглашённого правительством Д. А. Медведева курса на инновационное развитие, лишь немногим больше половины респондентов до 30 лет поддерживают идею развития в России наукоёмких производств [Мареева, 2013: 363]. Иными словами, молодёжь, которая в ближайшем будущем будет определять развитие нашей страны, слабо поддерживает реструктурирование экономики на основе интеграции передовых научных разработок, не считает науку необходимым фактором развития.

На этом фоне начался активный переход научных работников в политику и в бизнес, а также формирование «экспертного сообщества» как групп учёных, преимущественно экономистов, политологов, историков, тесно связанных со средствами массовой информации [Абрамов, 2016: 227–228].

Помимо утраты обществом представлений о необходимости науки для дальнейшего развития России, важную роль в снижении уважения к учёным сыграло обвальное снижение их социального статуса в условиях постсоветского транзита. На фоне критического сокращения финансирования науки в 1990-х гг. резко сократились как финансирование исследований, так и заработная плата учёных: в самом неблагоприятном 2000 г. заработная плата доктора наук составляла 56% средней зарплаты по стране. Ситуация не выправилась, несмотря на предпринимаемые усилия, и к настоящему времени: в 2013 г. зарплата профессора со степенью доктора наук в Москве составляла 65%, а зарплата главного научного сотрудника со степенью доктора наук и званием профессора в исследовательском институте Российской академии наук – 50% от средней зарплаты по столице [Балацкий, 2014: 154].

В обществе, в котором в этот момент главными ценностями стали успех и благосостояние, а ценности образования и самореализации упали, при таком падении доходов учёные просто не могли оставаться уважаемой, то есть соответствующей общепризнанным нормам, группой. Статус научного сотрудника, даже высокого профессионального уровня, утратил былую привлекательность в качестве успешной профессиональной траектории, поскольку перестал соответствовать представлениям россиян о достойном уровне жизни. Как показывает

опрос, проведённый среди студентов МГУ, их выбор в пользу профессии учёного зависит от множества неопределённых на настоящий момент факторов, в первую очередь от её соответствия критериям «успеха» и «возможностей карьерного роста». Отказ от профессии учёного большинство опрошенных студентов связывают с низкими зарплатами и финансовым положением научных работников в целом, включая финансирование исследований, оборудования, лабораторной базы и т. п. [Судас, Юрасова, 2013: 269–270]. Понятие современной отечественной науки у студентов вызывает такие ассоциации, как «Бедные люди, которые не признаются обществом как достаточно полезные», «Никому не нужный рабский труд», «Энтузиазм группы людей» [Судас, Юрасова, 2013: 272].

Согласно опросу ВЦИОМ «Престиж науки в России в 2013 г.», (2–3 февраля 2013 г.), в ходе которого было опрошено 1600 человек в 138 населённых пунктах в 46 областях, краях и республиках России (выборка репрезентирует городское население России, статистическая погрешность не превышает 3,4%), в престижности профессии учёного усомнились более 50% опрошенных, в рейтинг наиболее доходных профессий учёные предсказуемо не попали вообще [Престиж науки..., 2013].

На фоне резкого падения доходов научных работников и средств, выделяемых на проведение научных исследований, из России в 1990-х гг. началась массовая эмиграция учёных, в основном представителей естественных наук, получившая название «утечка мозгов». Вообще миграция научных кадров, сопряжённая с обменом опытом и универсальной значимостью и общедоступностью результатов исследований, является нормальным процессом. Однако в России рубежа XX – XXI вв. она приобрела, во-первых, массовый характер, во-вторых, не сопровождалась притоком научных кадров в нашу страну и возвращением получивших опыт за границей учёных на родину. «Утечка мозгов» имела амбивалентные последствия для уважения к российской науке: с одной стороны, признание российских специалистов за рубежом, их востребованность мировыми научными центрами в США, Западной Европе, Китае, Японии свидетельствуют об их высоком профессиональном уровне и мировой значимости их достижений. С другой стороны, когда результаты исследований приватизируются зарубежными работодателями, российская общественность, в том числе и научная, воспринимает факт такой утечки как минимум с сожалением, и это не может не сказываться на доверии к учёным. В последние годы было отмечено несколько случаев обвинений российских учёных, сотрудничавших с зарубежными научными центрами/компаниями, в передаче данных, «составляющих государ-

ственную тайну», эти процессы освещались СМИ и получили широкий резонанс, свидетельствующий о подрыве уважения к российским учёным как к профессионалам, вносящим вклад в прогресс, процветание и обороноспособность Родины.

«Утечка мозгов» привела к расслоению научного сообщества России на немногочисленную «элиту», имеющую мировой авторитет, востребованных заграничными научными центрами специалистов, и на тех, кто остался работать в России. Последние, в свою очередь, разделились на тех, кто адаптировался к новым условиям работы и освоил технологии получения грантов от зарубежных и отечественных научных фондов, переориентировался на коммерческие разработки, и на продолжающих работать по-старому или снижающих уровень исследований из-за утраты *ощущения востребованности, статуса, доходов, уважения в обществе* [Плюснин, 1996: 259].

В 1990-х – 2000-х гг. в обществе утверждалось представление о преимуществе зарубежной науки перед отечественной в теоретико-методологическом и прикладном аспектах. Поэтому любые формы научных практик, осуществляемых за рубежом или совместно с зарубежными партнёрами, рассматривались как a priori имеющие более высокий статус. Стали заимствоваться западные наукометрические подходы к оценке состоятельности и качества научной работы и статуса учёного. Таким образом, система оценки достижений российских учёных опять оказалась за рамками самой отечественной науки, но к государственному контролю добавилась внешняя = зарубежная референция, что свидетельствует не только о неуважении, но и о недоверии к достижениям отечественных учёных.

При снижении значимости науки как профессиональной траектории и социального лифта, в 1990-х – 2000-х гг. сохранялся престиж учёных степеней и званий как маркеров символического и культурного капитала. Это привело к их востребованности среди политиков, бизнесменов, чиновников, что спровоцировало рост теневого рынка диссертаций «под ключ», и широкая осведомлённость об этом рынке не могла не способствовать обесцениванию учёных степеней и званий в глазах общественности. Кроме того, увеличение количества «остепенённых» и наделённых званиями при снижении качества и количества реальных научных исследований также снизило уважение к их носителям. По данным доклада ЮНЕСКО «На пути к 2030 году», в 2013 г. вклад России в мировую науку составил 1,7% (для сравнения: США – 28,1%, КНР – 19,6%, ЕС – 19,1%), количество публикаций российских исследователей в 2013 г. составило 2,3% от мировых, а зарегистрированных российских патентов – всего 0,2% [Цит. по: Асеев, 2016].

Ещё одна причина снижения уважения к науке и учёным в современной России – трансформация традиционно присущей им роли оппонента власти и защитников интересов страны и народа, принятой интеллигенцией до революции и исполнявшейся рядом выдающихся учёных в советский период. Во время постсоветского реформирования общества некоторая часть публичных учёных и экспертов, особенно представителей социально-гуманитарного знания, не только поддержала деструктивные процессы в обществе, в том числе и в области экономики, реформирования образования, научной политики, но и стала их активным проводником.

При этом научное сообщество не смогло объединиться и предпринять эффективные меры для защиты самого института науки, его организации, финансирования, престижа. Реформирование системы РАН, кульминация которого пришлась на 2013 г. и которое в целом оказалось, по мнению учёных, разрушительным, вызвало протесты в академических и научных кругах [Российская академия..., 2013]. Однако эти выступления остались «внутренним делом» академического сообщества, не получили широкой огласки и общественного резонанса. «Клуб 1 июля», возникший в ходе этих протестов как неформальное сообщество академиков и членов-корреспондентов РАН, выступающее в защиту академической автономии и интересов науки в России, мало проявляет себя в публичной сфере и практически не известен массовой аудитории. В то же время, для общественного мнения неспособность академиков, то есть учёных, имеющих самый высокий профессиональный и общественный статус, защитить собственную отрасль, а также отсутствие публичных высказываний по проблемам реформы образования представляются одним из важнейших признаков не только утраты их влияния на власть, но и гражданской позиции.

Можно предположить, что снижение уважения к науке и учёным в российском обществе приведёт к постепенной утрате ими доверия. Стоит учесть, что снижение доверия к учёным и науке не является чисто российской тенденцией, оно происходит повсеместно и связано с трансформациями самого института науки. П. Штомпка в известной работе «Доверие — основа общества» характеризует их как становление *постакадемической* науки, этос которой существенно отличается от академической. Её принципиальная особенность состоит в приоритете внешних по отношению к поискам истины целей, ориентации исследований на получение практически применимых результатов, на коммерциализацию и фискализацию исследований, приватизацию результатов, бюрократизацию научной деятельности, снижение автономии научного сообщества вследствие его тесной связи с заказчиками и т. п. [Штомпка, 2012: 404–405].

На фоне этой глобальной тенденции особенно важно поддержание высокого уровня уважения к отечественной науке и научному сообществу, ибо только оно может сохранить доверие к ним со стороны общества, государства, институтов бизнеса, образования. Для этого необходимо возвращение науке и научному сообществу признания их приоритетной роли в развитии страны, повышении благосостояния, укреплении безопасности, а также создание предпосылок для восстановления престижности профессии учёного и привлекательности академической карьеры.

Список литературы

Абрамов Р. Н. Социология профессий и занятий: очерки истории и ключевые концепции дисциплинарной области. М.: ООО «Вариант», 2016. 452 с.

Асеев А. С. Реформа РАН как угроза национальной безопасности [Электронный ресурс] // В защиту науки. Бюллетень. 2016. № 17. С. 11–15. URL: http://moi-vzn.narod.ru/VZN_17.PDF (дата обращения: 13.11.2016).

Балацкий Е. В. Истошение академической ренты // Мир России. 2014. № 3. С. 150–174.

Ваганов А. Нужна ли наука для популяризации науки? [Электронный ресурс] // Наука и жизнь № 7. 2007. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/11016/> (дата обращения: 05.11.2016).

Васькин А. Москва, спалённая пожаром. Первопрестольная в 1812 году [Электронный ресурс] // Электронная библиотека по здоровью, здоровому образу жизни и духовному развитию человека URL: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/70464/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 06.07.2016).

Грэхэм Л. Очерки истории российской и советской науки. М.: Янус-К, 1998. 312 с.

Даниленко Л. Н. Феномен рентоориентированного поведения в институциональном аспекте // Мир России. 2013. Т. 22. № 3. С. 35–59.

Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / [А. Л. Андреев, М. К. Горшков, Л. Г. Бызов и др.]; под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. 328 с.

Дежина И. Г. Новые тенденции в российской научной политике: влияние глобализации [Электронный ресурс] // Модернизация экономики и глобализация. Кн. 2 / Отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 504–512.

Зарубина Н. Н. Взаимное уважение как фактор институционализации социальных отношений в современной России // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 87–96.

Зудина А. А. Наука и образ учёного в советском кино (1928–1986 годы) // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 167–176.

Кареев Н. И. О духе русской науки // Русская идея: антология. М.: Республика, 1992. С. 171–184.

Кравченко С. А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия. М.: «МГИМО-Университет», 2016. 431 с.

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 643 с.

Мареева С. В. Российская молодёжь: идентичности, ценности и представления об оптимальном общественном устройстве // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 12. М.: Новый хронограф, 2013. С. 361–380.

Наибольшим доверием среди россиян в 2012 году пользуются учёные, учителя, военные и священнослужители. Исследование ВЦИОМ. 06.08.2012. [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии. Информационно-аналитический портал URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/08/06/4796> (дата обращения: 11.06.2016).

Открытое письмо российских учёных Президенту Российской Федерации В. В. Путину. 2016. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Клуба «1 июля» URL: <http://1julyclub.org/Node/120> (дата обращения 13.11.2016).

Плюсин Ю. М. Общественный кризис и академическая наука. Опыт психологического мониторинга научного сообщества Новосибирского Академгородка; 1992–1995 гг. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 1. С. 256–262.

Престиж науки в России в 2013 году. Исследование ВЦИОМ. 18.02.2013. [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии. Информационно-аналитический портал. 18.02.2013 URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/02/18/5414> (дата обращения: 11.11.2016).

Рейтинг доверия социальным институтам в 2015 году. Исследование Ромир. 20.05.2015. [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии. Информационно-аналитический портал. URL: <http://gtmarket.ru/news/2015/05/20/7162> (дата обращения: 11.06.2016).

Родина – это звучит гордо! [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3201 16.09.2016. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115866> (дата обращения: 14.11.2016).

Российская академия наук. Хроника протеста. Июнь-июль 2013. Составитель А. И. Паршин. Издание 2-е доп., испр. М.: Журнал «Русский репортер», 2013. 368 с. [Электронный ресурс]. // Институт философии РАН URL: http://iphras.ru/uplfile/root/ran/RANprotest2013_2ed-2.pdf (дата обращения: 13.11.2016).

Садовский М. В. Окаянные дни российской науки [Электронный ресурс] // В защиту науки. Бюллетень. 2016. № 18. С. 25–49. URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fklnran.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2F2016%2F10%2FBVZN_18.pdf&name=BVZN_18.pdf&lang=ru&c=589c72c57c25&page=1 (дата обращения: 13.11.2016).

Судас Л. Г., Юрасова М. В. Быть или не быть учёным?! // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. Выпуск № 41. С. 260–278.

Фомин Д. А. Академизм как наука: границы занятия в рамках возможностей // Terra economicus. 2011. Т. 9. № 4. С. 88–115.

Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с.

Шувалова О. Р. Индикаторы инновационного климата в России (по итогам массовых опросов населения) // Форсайт. 2010. Т. 4. № 1. С. 38–52.

Merton R. Institutional Imperatives of Science // Sociology of Science. Ed. by B. Barnes. L., Penguin Books, 1972. P. 65–79.

Дата поступления в редакцию: 21.11.2016

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.1.4994

Respect for the Scientific Community as a Prerequisite to Confidence in Institute of Science in Modern Russia

The publication was prepared with financial support from the RSF, grant № 16-18-10411

Zarubina Natalia Nikolaevna

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Prospect Vernadskogo, 76, 119454, Moscow, Russian Federation. E-mail: n-zarubina@yandex.ru

Abstract. This article presents the dynamics of respect for the scientific community and confidence in Institute of Science in Russia. Respect and confidence are analyzed as temporal characteristics of social relationships. Respect is based on the projection of previous achievements and merits on to the present. And confidence is secured in the future. It is shown that, despite a high degree of confidence in the Russian Academy of Sciences, the credibility of scientists is declining. The author sees the reasons for this in the low respect for the scientific community in modern Russia. The history of the Institute of Science and the scientific community in Russia in the Petrine reforms is traced, and their commitment to official functions in relation to the state. In the Soviet period, the need for advanced scientific research and development to ensure defense and indicate advantages of the Soviet system to create conditions for progress turned science into one of the most important institutions and scientists into a respected social group. Scientific work became one of the most reliable lifts of social mobility. In the stagnation period, the intensity of scientific research and development implementation into the economy decreased, however, the high prestige of the scientist status led to an increase in imitation science activities. During the reform period in the 1990–s, respect for the scientific community slumped because of the absence of government and business demand of scientific research and development, downturn of scientists living standards, and loss of the science career attractiveness against the background of the growth of values of wealth and material success. The decrease in respect for the scientific community will lead to a further decline of confidence in science and scientists.

Keywords: trust, respect, institution of science, scientific community, social functions, state control, academic autonomy, social transformation

REFERENCES

Abramov R. 2016. Sociologija professij i zanjatij: ocherki istorii i kljuचेvye koncepcii disciplinarnoј oblasti. [Sociology of professions and occupations: essays on the history and key concepts of a disciplinary area]. Moscow: «Variant». 452 p. (In Russ.).

Aseev A. S. 2016. Reforma RAN kak ugroza nacional'noj bezopasnosti [Reform of Russian Academy of Sciences as a threat to national security]. *V zashhitu nauki. Bjulleten' № 17* [online] URL: http://moi-vzn.narod.ru/VZN_17.PDF (accessed 13.11.2016). (In Russ.).

Balackij E. V. 2014. Istoshhenie akademicheskоj renty [Depletion academic rent]. *Mir Rossii.* № 3. P. 150–174. (In Russ.).

Fomin D. A. 2011. Akademizm: granicy zanjatija v ramkah vozmozhnostej [Academicism: border employment opportunities within]. *Terra economicus.* T. 9. № 4. P. 88–115. (In Russ.).

Grjehjem L. 1998. Oчерki istorii rossijskoј i sovetskoј nauki [Essays on the history of Russian and Soviet science]. Moscow: Janus-K. 312 p. (In Russ.).

Danilenko L. N. 2013. Fenomen rentoorientirovannogo povedenija v institucional'nom aspekte [The phenomenon of rent-seeking behavior in the institutional aspect]. *Mir Rossii.* T. 22. № 3. P. 35–59. (In Russ.).

Dezhina I. G. 2016. Novye tendencii v rossijskoј nauchnoј politike: vlijanie globalizacii [New Trends in the Russian science policy: the impact of globalization] [online]: URL: <http://www.hse.ru/data/118/761/1235/Deghina.doc> (accessed 07.11.16). (In Russ.).

Doverie k professijam v Rossii v 2012 godu [The credibility of the profession in Russia in 2012] *Issledovanie VCIOM.* (2013) [online]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/02/18/5414> (accessed 11.06.2016). (In Russ.).

Dvadcat' let reform glazami rossiјanю 2011. [Twenty years of reforms by eyes of Russians]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, V. V. Petukhov. Moscow: IS RAN. 304 p. (In Russ.).

Kareev N. I. 1992. O duhe russoj nauki [The Spirit of Russian science]. *Russkaja ideja*. Moscow: Respublika. P. 171–184. (In Russ.).

Kravchenko S. A. 2016. Sociologicheskaja diagnostika riskov, ujaxvimostej, doverija. [Sociological diagnostics of risks, vulnerabilities, trust]. Moscow, «MGIMO-Universitet». 431 p. (In Russ.).

Luman N. 2007. Social'nye sistemy. Oчерk obshhej teorii [Social systems. Outline of the general theory]. Saint Petersburg: «Nauka». 643 p. (In Russ.).

Mareeva S. V. 2013. Rossijskaja molodjozh': identichnosti, cennosti i predstavlenija ob optimal'nom obshhestvennom ustrojstve [Russian youth: identity, values and ideas about optimal social structure]. *Rossija reformirujushhajasja. Ezhegodnik*. Vyp. 12. Moscow: Novyj hronograf. P. 361–380. (In Russ.).

Otkrytoe pis'mo rossijskih uchjonyh Prezidentu Rossijskoj Federacii V. V. Putinu. 2016. [Open letter from Russian scientists to the Russian Federation President V. V. Putin]. [online] URL:<http://1julyclub.org/Node/120> (accessed 13.11.2016). (In Russ.).

Pljusnin Ju. M. 1996. Obshhestvennyj krizis i akademicheskaja nauka. Opyt psihologicheskogo monitoringa nauchnogo soobshhestva Novosibirskogo Akademgorodka; 1992–1995 gg. [Public crisis and academic science. The experience of psychological monitoring of the scientific community of the Novosibirsk Akademgorodok; Of 1992–1995.]. *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. № 1. P. 256–262. (In Russ.).

Prestizh nauki v Rossii v 2013 godu. 2013. [The prestige of science in Russia in 2013]. *Issledovanie VCIOM*. [online]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/02/18/5414> (accessed 11.11.2016). (In Russ.).

Rejting doverija social'nym institutam v 2015 godu. 2015. [Rating of confidence in social institutions in 2015]. *Issledovanie ROMIR*. [online] URL:<http://gtmarket.ru/news/2015/05/20/7162> (accessed 11.06.2016). (In Russ.).

Rodina – jeto zvuchit gordo! 2016. [Homeland – it sounds good!]. *Press-vypusk № 3201* [online] URL:<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115866> (accessed 14.11.2016). (In Russ.).

Rossijskaja Akademija Nauk. Hronika protesta. 2013. [The Russian Academy of Sciences. Chronicle of protest.] [online]. URL:http://iphras.ru/uplfile/root/ran/RANprotest2013_2ed-2.pdf (accessed 13.11.2016). (In Russ.).

Sadovskij M. V. 2016. Okajannye dni rossijskoj nauki [Cursed Days of Russian science]. [online] URL:http://1julyclub.org/sites/default/files/file/okajan_dni.pdf (accessed 13.11.2016). (In Russ.).

Sudas L. G., Jurasova M. V. 2013. Byt' ili ne byt' uchjonym?! [To be or not to be a scientist?!]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik*. Vypusk № 41. P. 260–278.

Shtompka P. 2012. Doverie – osnova obshhestva [Trust – the foundation of society]. Moscow: Logos. 440 p. (In Russ.).

Shuvalova O. R. 2010. Indikatory innovacionnogo klimata v Rossii (po itogam massovyh oprosov naselenija [Indicators of innovation climate in Russia (according to the mass population surveys)]. *Forsajt*. T. 4. № 1. P. 38–52. (In Russ.).

Vaganov A. 2007. Nuzhna li nauka dlja populjarizacii nauki? [Do I need a science to popularize science?]. [online] URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/11016/> (accessed 5.11.2016). (In Russ.).

Vas'kin A. 2016. Moskva, spalennaja pozharom. Pervoprestol'naja v 1812 godu [Moscow, scorched by fire. Pervoprestol'naya in 1812]. [online] URL: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/70464/chitat_knigu.shtml (accessed 06.07.2016). (In Russ.).

Zarubina N. N. 2014. Vzaimnoe uvazhenie kak faktor institucionalizacii social'nyh otnoshenij v sovremennoj Rossii [Mutual respect as a factor in the institutionalization of social relations in modern Russia]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. № 4. P. 87–96. (In Russ.).

Zudina A. A. 2011. Nauka i obraz uchenogo v sovetskom kinematografe (1928 – 1986 gody) [Science and the image of the scientist in the Soviet cinema (1928–1986 years)]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. № 5. P. 167–176. (In Russ.).

Merton R. 1972. Institutional Imperatives of Science. *Sociology of Science*. Ed. By B. Barnes. L., Penguin Books. P. 65–79.

Date received by 21.11.2016